

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal "Steppe Panorama"
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 3135-8055.
Vol. 13. Is. 5, pp. 1489-1507, 2026
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

IRSTI / FTAXP / MPHTI 03.20
https://doi.org/10.51943/3135-8055_2026_13_5_1489-1507

CHILD NEGLECT IN KARAGANDA REGION IN THE LATE 1940S – EARLY 1960S

Diana D. Shapagatova^{1*}, Aiman Z. Zhumanova², Marat Y. Ybyraykhan³

¹ Karaganda National Research University named after Academician E.A. Buketov
(28 Universitetskaya St., Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan)
Master of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Archaeology, Ethnology and National History

 <https://orcid.org/0009-0002-6305-3604>. E-mail: tasdi.com@mail.ru

*Corresponding author

² Karaganda National Research University named after Academician E.A. Buketov
(28 Universitetskaya St., Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan)
PhD, Associate Professor, Department of History of Kazakhstan and the Assembly of the People of Kazakhstan

 <https://orcid.org/0000-0002-0790-9335>. E-mail: aiman_zhumanova@inbox.ru

³ Karaganda National Research University named after Academician E.A. Buketov
(28 Universitetskaya St., Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan)
PhD, Assistant Professor, Department of Archaeology, Ethnology and National History

 <https://orcid.org/0000-0002-7035-1872>. E-mail: marat_19.93@inbox.ru

© Valihanov IHE, 2026

© Shapagatova D.D., Zhumanova A.Z., Ybyraykhan M.Y., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines the phenomenon of child neglect and homelessness, its causes and social consequences in the Karaganda region during the post-war and "Khrushchev" periods. *Goals and objectives.* The aim of the study is to examine the causes of child neglect during the specified period and the measures taken by the state to eliminate both the phenomenon itself and its consequences. In pursuit of this aim, the following objectives were addressed: the educational orientation of Soviet social policy toward children; the principal factors that contributed to the persistence of homelessness despite state efforts; and the specific measures directed at curbing the growth of juvenile neglect in the Karaganda region. *Results.* A key component of the educational dimension of Soviet social policy was the comprehensive regulation of children's lives, which manifested in the total organization of children's time – schooling, celebrations, health improvement, and other activities. Despite the Soviet state's efforts to organize children's everyday lives as efficiently and safely as possible, the phenomenon of homelessness and child neglect persisted throughout the entire history of the Soviet Union. *Conclusion.* The study concludes that neglect during the period under review was driven by the aftermath of the Second World War, including severe socioeconomic hardship that pushed minors toward various forms of criminal behaviour, among them running away from home and subsequent vagrancy as a means of survival. This publication draws on archival materials from the Karaganda region, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, and the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: history of Soviet childhood; history of Kazakhstan; child homelessness; neglected children; elimination of homelessness

For citation: Shapagatova D.D., Zhumanova A.Z., Ybyraykhan M.Y. Child neglect in Karaganda region in the late 1940s – early 1960s // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Vol. 13. No. 5. Pp. 1489–1507. (In Rus.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1489-1507

ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫНДАҒЫ 1940-ЖЫЛДАРДЫҢ СОҢЫ – 1960-ЖЫЛДАРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ҚАРАУСЫЗ ҚАЛҒАН БАЛАЛАР МӘСЕЛЕСІ

Шапагатова Диана Дауровна^{1*}, Жуманова Айман Зейнелгабденовна², Ыбырайхан Марат Ыбырайханұлы³

¹Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті
(28, Университет к., Қарағанды қ., 100024, Қазақстан Республикасы)
г.ғ.м., археология, этнология және Отан тарихының кафедрасының аға оқытушысы
 <https://orcid.org/0009-0002-6305-3604>. E-mail: tasdi.com@mail.ru

*Автор-корреспондент

²Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті
(28, Университет к., Қарағанды қ., 100024, Қазақстан Республикасы)
PhD, Қазақстан тарихы және Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының
қауымдастырылған профессоры
 <https://orcid.org/0000-0002-0790-9335>. E-mail: aiman_zhumanova@inbox.ru

³Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті
(28, Университет к., Қарағанды қ., 100024, Қазақстан Республикасы)
PhD, археология, этнология және Отан тарихының кафедрасының профессор ассистенті
 <https://orcid.org/0000-0002-7035-1872>. E-mail: marat_19.93@inbox.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026

© Шапагатова Д.Д., Жуманова А.З., Ыбырайхан М.Ы., 2026

Андатпа. *Kіріспе.* Осы мақалада соғыстан кейінгі және «хрущевтік» кезеңдердегі Қарағанды облысы аумағындағы балалардың қараусыз қалу құбылысы, оның пайда болу себептері және әлеуметтік салдары қарастырылады. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты – аталған кезеңдегі балалардың қараусыз қалу себептерін және мемлекеттің осы құбылыстың өзін де, оның салдарын да жою үшін қолданған шараларын зерделеу. Осы мақсат шеңберінде мынадай міндеттер шешілді: балаларға қатысты кеңестік әлеуметтік саясаттың тәрбиелік бағытына назар аудару; мемлекет тарапынан әрекеттерге қарамастан қараусыздықтың сақталуына ықпал еткен негізгі факторлармен күрес; Қарағанды облысы аумағындағы кәмелетке толмағандардың қараусыздығының өсуін реттеуге бағытталған нақты шаралар. *Нәтижелер.* Кеңестік мемлекеттің әлеуметтік саясатының тәрбиелік бағытының маңызды құрамдас бөлігі балалар өмірін жан-жақты ойластыру болды. Ол балалар уақытын толық ұйымдастырудан тұрды – оқу, демалыс, іс-шараларды мерекелеу, сауықтыру және т.б. Кеңестік мемлекет балалардың тұрмысын мейлінше тиімді әрі қауіпсіз ұйымдастыруға ұмтылғанына қарамастан, қараусыздық сияқты құбылыс Кеңес Одағының бүкіл тарихы бойы сақталып келді. *Қорытынды.* Зерттеліп отырған кезеңдегі қараусыздық Екінші дүниежүзілік соғыстың салдарынан туындады; ауыр әлеуметтік-экономикалық жағдай кәмелетке толмағандарды түрлі қылмыстарға итермеледі, олардың бірі – үйден қашу және одан кейінгі аман қалу мақсатындағы қаңғыбастық болды. Осы жарияланым Қарағанды өңірінің мұрағат материалдарына, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағатына және Қазақстан Республикасы Президентінің мұрағатына негізделген.

Түйін сөздер: кеңестік балалық шақ тарихы; Қазақстан тарихы; балалардың қараусыз қалуы; қараусыз балалар; қараусыздықты жою

Дәйексөз үшін: Шапагатов Д.Д., Жуманова А.З., Ыбырайхан М.Ы. Қарағанды облысындағы 1940-жылдардың соңы – 1960-жылдардың басындағы қараусыз қалған балалар мәселесі// Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. 1489–1507 бб. (Орыс.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1489-1507

ДЕТСКАЯ БЕЗНАДЗОРНОСТЬ В КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

Шапагатов Диана Дауровна^{1*}, Жуманова Айман Зейнелгабденовна², Ыбырайхан Марат Ыбырайханұлы³

¹Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова

(28, ул. Университетская, г. Караганда, 100024, Республика Казахстан)

м.г.н., ст.преподаватель кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории

 <https://orcid.org/0009-0002-6305-3604>, e-mail: tasdi.com@mail.ru

*Автор-корреспондент

²Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова

(28, ул. Университетская, г. Караганда, 100024, Республика Казахстан)

PhD, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана

 <https://orcid.org/0000-0002-0790-9335>, e-mail: aiman_zhumanova@inbox.ru

³Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова

(28, ул. Университетская, г. Караганда, 100024, Республика Казахстан)

PhD, ассистент профессора кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории

 <https://orcid.org/0000-0002-7035-1872>, e-mail: marat_19.93@inbox.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Шапагатов Д.Д., Жуманова А.З., Ыбырайхан М.Ы., 2026

Аннотация. Введение. В данной статье рассматривается явление детской безнадзорности, причины ее возникновения и социальные последствия на территории Карагандинской области в послевоенный и «хрущевский» периоды. *Цель и задачи исследования.* Целью исследования является изучение причин возникновения детской безнадзорности в указанный период и мер, которые принимало государство для ликвидации как самого явления, так и его последствий. В рамках этой цели решались следующие задачи: внимание воспитательного вектора советской социальной политики в отношении детей; основные факторы, способствовавшие сохранению беспризорности, несмотря на усилия государства; конкретные меры, направленные на регулирование роста безнадзорности несовершеннолетних на территории Карагандинской области. *Результаты.* Важной составляющей воспитательного вектора социальной политики советского государства была всесторонняя продуманность жизни детей. Она заключалась в тотальной организации детского времени – учеба, досуг, празднование мероприятий, оздоровление и др. Несмотря на стремление советского государства максимально эффективно и безопасно организовать детский быт, такое явление, как беспризорность, сохранялась на протяжении всей истории существования Советского Союза. *Заключение.* Безнадзорность в изучаемый период была обусловлена последствиями второй мировой войны, включающими тяжелое социально-экономическое положение, которое толкало несовершеннолетних детей на

преступления разного рода, одним из которых был побег из дома и последующее бродяжничество с целью выживания. Данная публикация основана на архивных материалах Карагандинского региона, Центрального государственного архива Республики Казахстан, архива Президента Республики Казахстан.

Ключевые слова: история советского детства; история Казахстана; детская беспризорность; безнадзорные дети; ликвидация беспризорности.

Для цитирования: Шапагатова Д.Д., Жуманова А.З., Ыбырайхан М.Ы. Детская безнадзорность в Карагандинской области в конце 1940-х – начале 1960-х гг. // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. С. 1489–1507. (На Рус.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1489-1507

Введение

Согласно Закону Республики Казахстан от 30 декабря 2025 г. № 245-VIII ЗРК понятие *безнадзорности* подразумевает социальное явление, характеризующееся отсутствием надлежащего контроля за поведением и образом жизни несовершеннолетних, способствующее совершению ими правонарушений. Чаще всего детская безнадзорность возникает/растет вследствие негативных исторических событий (война, голод, ухудшение экономического положения, социальная напряженность и др.). В этом же Законе определены также следующие понятия:

безнадзорный – несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или их законных представителей, а также педагогов, воспитателей и других работников учебного, воспитательного и иного учреждения, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетними, либо вследствие самовольного ухода его из дома или организаций, осуществляющих функции по защите прав ребенка;

беспризорный – безнадзорный, не имеющий места проживания.

В Советском государстве проблема беспризорности в разной степени существовала на протяжении всей истории страны. Следствием данного явления стал рост преступности среди безнадзорных детей, в результате чего становившихся малолетними преступниками. С целью решения сложившейся проблемы в Советском Союзе принимались нормативные документы, направленные на урегулирование функционирования механизмов контроля поведения девиантных безнадзорников. В 1924 г. было создано первое учреждение для малолетних преступников (13-17 лет) – Детская Трудовая Коммуна при ОГПУ (Приказ АОУ ОГПУ № 185 от 18 августа 1924 г.). В 1935 г. была закреплена уголовная ответственность несовершеннолетних с 12 лет (Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»). В этом же году вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». В 1942 г. – постановление ЦК ВЛКСМ «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью»; в 1943 г. – создание специальных отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (Постановление СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»). В том же году вышло постановление СНК РСФСР от 08.04.1943 N 325 «Об утверждении Инструкции Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР о патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». На протяжении долгого периода на территории СССР применялись эти постановления, и только 04.10.1957 г. вышло постановление Совмина РСФСР от N 1099 «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности» (Каипбаева, 2025: 98, 102). Принятые нормативные документы применялись на протяжении многих лет с корректировками и дополнениями по отдельным вопросам. Согласно этим законодательным документам на территории всего Союза создавались детские дома (строго и общего типа), приемники-распределители, воспитательные трудовые колонии и другие специальные учреждения, направленные на решение проблемы безнадзорности несовершеннолетних детей.

Материалы и методы

В ходе написания данной статьи в качестве конкретных познавательных средств были использованы методы исторического исследования: историко-сравнительный анализ, методы структурного и функционального анализа, которые применялись с целью систематизации введенных архивных материалов.

Данная публикация содержит архивные документы из фондов Государственного архива Карагандинской области – 1480, 1п, 18. В документах отражены информация о реализации борьбы с безнадзорностью детей в городе Караганда, данные о системе усыновления, опекунаства детей, распределения их по детским домам и системе формирования выпусков из них. Также для написания данной статьи был задействован 6 фонд («Исполком Темиртауского городского совета депутатов трудящихся Карагандинской области Казахской ССР») Государственного архива города Темиртау, по материалам которого выделены категории детей, подлежащих усыновлению и распределению в детский дом. По состоянию детской беспризорности в республике данные взяты из 708 фонда («Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана») Архива Президента Республики Казахстан, фонда 90 («Министерство социального обеспечения КазССР») Центрального Государственного Архива Республики Казахстан.

Обсуждение

В историографии по истории советской беспризорности можно выделить три группы исследований: советская, зарубежная и отечественная. К первой группе относятся работы, посвященные общим проблемам социальной политики в отношении сирот и беспризорников. Среди авторов, занимавшихся изучением этих вопросов, нужно отметить А.А. Славко, В.С. Меркурьеву, Е.А. Шамрину. В исследованиях первой группы разрабатывались вопросы сущности социальной политики, объектов ее воздействия в условиях социализма, взаимодействие ее с экономической политикой, механизмы ее реализации и др.

Ко второй группе относятся труды российских авторов, представленные в основном исследованиями по проблемам образования, социальной защиты детей, детской беспризорности, безнадзорности и преступности. Среди них необходимо выделить работы Е.А. Зубковой, В.Ф. Зимы, А.З. Ваксера, М.Р. Зезиной, А.П. Пыжикова, Л.Б. Брусиловской.

Е.Ю. Зубкова впервые отметила особую поколенческую специфику послевоенных детей и подростков. Многие из них не имели отцов, семей, но их им заменили школа, двор, детский дом. Послевоенное поколение воспитывалось на ценностях коллективизма, что не помешало, а, наоборот, способствовало появлению плеяды ярких индивидуальностей. В.Ф. Зима большое внимание в монографии уделяет детской девиации (беспризорности, преступности) послевоенных лет, ставшей следствием конкретной государственной политики, голода 1946–1947 гг. А.З. Ваксер реконструирует будни детей в послевоенном Ленинграде в контексте развития образования, детского здравоохранения, борьбы с беспризорностью, безнадзорностью, преступностью среди детей. М.Р. Зезина описывает колоссальный масштаб беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы, анализирует не всегда успешные попытки решения этих проблем.

М. Зезина выделяет несколько причин, которые стали источниками сиротства и детской беспризорности в СССР:

- *война и ее последствия* – после войны число детей в детских учреждениях продолжало расти, и достигло в 1947–1948 гг. своего максимума, когда в детских приемниках-распределителях было зафиксировано рекордное число задержанных – почти полмиллиона (Славко, 2011: 183). По оценке отдела по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью МВД СССР, в 1948 г. численность детей, потерявших родителей и подлежащих учету в Центральном адресно-справочном детском столе, составила два с половиной миллиона во всем Советском Союзе (Славко, 2011: 184). Сюда не входили дети, сданные матерями-одиночками или многодетными родителями в детские учреждения, сироты, сохранившие

связь с родственниками, и ряд других категорий. Вероятно, общая численность детей, лишившихся родительского попечения, приближалась к трем миллионам (Меркурьева, 2008: 128).

- еще одной причиной являлся *голод*, охвативший в 1946 г. ряд регионов страны, от которого бежали целыми семьями, но, попав в безвыходное положение, родители сами вынуждены были нередко бросать детей, тем самым давая им шанс на спасение. Детские учреждения были переполнены и не принимали детей от живых родителей, даже если у тех не было возможности их прокормить (Шамрина, 2012: 37).

- добровольный *уход детей из семей* и детских учреждений, так как тысячи семей оказались не в состоянии прокормить детей и обеспечить им нормальные условия существования. Особенно трудно было многодетным и неполным семьям. Работа зачастую не оставляла родителям сил и времени для надлежащего присмотра за детьми. Не хватало средств, чтобы одеть и обуть их. Массовый характер имели побеги из детских учреждений. Бежали не только из-за плохих условий содержания, многие дети не могли поверить в потерю родителей и хотели их найти (Шамрина, 2012: 38).

- *рост внебрачной рождаемости* после войны также стал одной из причин увеличения числа безнадзорных детей. Матери-одиночки сдавали младенцев в дома ребенка, оказавшись не в состоянии их содержать. В условиях гибели миллионов мужчин на фронте миллионы женщин лишались надежды на семейное счастье, и множество из них сознательно шло на безбрачное рождение детей. По данным Е.Ю. Зубковой, в стране в 1946 г. 752 тыс. детей родились у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, в 1947 г. – 747 тыс., в 1950-м – 944 тыс. детей (Зубкова, 1999: 92).

К этой же группе трудов относятся работы американских, европейских и современных российских исследователей по проблеме истории советского детства. Собственно послевоенному юношеству посвящено диссертационное исследование историка Ю. Фюрст «Последнее сталинское поколение: молодежь, государство, комсомол, 1945–1953», опубликованное в Лондоне в 2005 г. В работах Д. Данстана и Л. Холмса рассмотрены вопросы советской государственной политики в сфере образования в 1940-е гг. В монографиях Ш. Фитцпатрик, С. Дэвис, Д. Хоффмана анализируется социальная политика в контексте дискуссий о сути трансформаций советского общества в годы сталинизма. Социальные и экономические аспекты послевоенной советской истории представлены в исследованиях В. Данэм, А. Вайнера, К. Ботерблюма, Д. Фильтцера и других авторов.

Группа отечественных исследований включает работы, затрагивающие частично проблему детства, в казахстанской историографии они начинают появляться с конца 1990-х гг. Одной из таких монографий является работа С.К. Бастемиева «Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект)». В рамках данного исследования, проведенного на основе изучения большого круга письменных архивных материалов, рассмотрены процесс становления, развития и современное состояние тюрем, исправительных колоний и воспитательных колоний Казахстана, а также исправительно-трудовых лагерей, функционировавших в 1930–1950-е гг. на территории Казахстана. В работе анализируются историко-правовые основы деятельности указанных учреждений, особенности и социально-правовые последствия их деятельности. В том числе речь идет об исправительно-трудовых лагерях, построенных для содержания беспризорников и юных преступников как одной из категорий детства того периода.

К числу работ, частично затрагивающих проблему воспитательных колоний для несовершеннолетних, исправительно-трудовых лагерей для беспризорников, также относятся монография казахстанского исследователя В.З. Панасенко «Из истории становления и развития исправительно-трудовых учреждений МВД Казахской ССР (1920–1985 гг.)», изданная в Алма-Ате в 1987 г., и П. Посмакова «Тюремный синдром» (2001).

Часть работ по исследованию представлена отдельными публикациями в периодических изданиях: Свич С. «Дети войны», Колыш В. «Место рождения – Карлаг». Этой же проблеме посвящена монография Д.А. Шаймуханова и С.Д. Шаймухановой «КАРЛАГ». В этих работах

говорится о детях, рожденных и вынужденных расти в стенах Карлага. Некоторые работы отражают лишь статистические данные, которые исследователи приводят в рамках изучения других проблем исторической науки. К таким работам относятся работа С.Д. Шаймухановой и Т.Ж. Макалакова «Вклад спецпереселенцев и депортированных народов в развитие экономики Центрального Казахстана», Р.М. Жумашева и Л.В. Михеевой «Спецпереселенцы в Карагандинской области», В.В. Козиной и С.В. Елеухановой «Повседневная жизнь населения Центрального Казахстана в первые послевоенные годы».

Результаты. Одной из причин роста детской беспризорности стали политические репрессии, так как их жертвами стали не только сами осужденные, но и их семьи: в репрессивные жернова попадали как жены, так и дети, направленные в специально организованные учреждения. В августе 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н. Ежов подписал приказ № 00486 «Об операции по репрессированию жён и детей изменников Родины», в котором говорилось о том, что жёны тех, кого осудили за «контрреволюционные преступления», необходимо отправлять в лагеря сроком на 5–8 лет. Если у них были дети (в возрасте от одного года до 15), то они помещались в детские дома (Зезина, 1999).

В советских городах начали оперативно создавать специальные детские приёмники, куда отправляли сыновей и дочерей репрессированных граждан. В приёмниках дети могли находиться как несколько дней, так и несколько месяцев. Затем их распределяли по детским домам, разбросанным по всей стране. Подростков с «антисоветскими настроениями» направляли в ГУЛАГ, чей арест и этапирование проходили точно так же, как и у взрослых людей. Никаких скидок на возраст не было. Для перемещения юных преступников обычно были специально отведенные вагоны, но так складывалось не всегда, так как вагонов под разные категории заключённых не хватало. В таком случае подростков помещали под одну крышу со взрослыми преступниками. Прибыв по распределению из детского приёмника в детский дом, некоторые дети и стремились покинуть его и жить самостоятельно, становясь беспризорниками на улицах города. Это явление получило большее распространение в послевоенный период, став ещё одной из сложнейших проблем, возникших перед советским государством и обществом. Соответственно она требовала создания развернутой сети приёмников-распределителей, детских домов и подготовки большого количества высококвалифицированных педагогических кадров для работы в них, а также совершенствования системы устройства сирот в приёмные семьи.

Отдельной категорией в послевоенный период выделяются «сироты войны», так как в рамках решения проблемы материнства и детства в послевоенные годы стратегически важным стало решение проблемы беспризорности и безнадзорности детей, оставшихся без родителей вследствие войны: отца не было, мать все время находилась на работе, а малыши, чуть только подрастали, уже должны были помогать и семье, и на производствах, и в полях. Такие дети были лишены понятия «детство».

В отчетах комиссий партконтроля рост числа беспризорников прямо связывается с тяжелыми материальными условиями жизни большинства населения. Это касалось как временно оккупированных и прифронтовых территорий, так и тыловых областей, где за 1–2 года численность жителей выросла в 2–3 раза. Изнурительный труд на промышленных предприятиях без отпусков не оставлял родителям сил и времени для надлежащего присмотра за детьми. Не хватало средств, чтобы одеть и обуть их. В 1945 г. из-за отсутствия обуви и теплой одежды дети не могли посещать школу. Крайняя скученность в жилищах, скудное карточное снабжение, нехватка еды толкали детей на улицу, где они промышляли мелкими кражами, обменом и торговлей, попрошайничеством (Панасенко, 1987: 36). Часто родители сами посылали своих детей на рынок продавать вещи или в деревню менять их на продукты.

Многие дети полностью порывали с семьей. Среди детей, поступивших в приёмники-распределители в январе 1946 г., около 20 % ушли из семьи (Посмаков, 2001: 130). Число беспризорников постоянно пополнялось за счет беглецов из детских учреждений. В 1945 г. только органами транспортной милиции было задержано 24 тысячи бежавших из детских

домов. Среди детей, поступивших в детские приемники-распределители, беглецы из детских домов составляли более 12 %, в некоторых районах более 25 %. Массовый характер имели побеги из ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения. 17 % подростков, задержанных на транспорте в 1945 г., бежали из различных учебных заведений. Часто в детские приемники-распределители попадали подростки, работавшие на военных заводах и бежавшие, не выдержав тяжелых условий (Посмаков, 2001: 131).

Первое место среди причин побегов занимали неудовлетворительные условия содержания. Давала себя знать послевоенная разруха. Детские дома и общежития для будущих рабочих располагались в обветшалых, плохо отапливаемых помещениях, воспитанники детдомов, учащиеся школ трудовых резервов, ученики на предприятиях жили в ужасающей тесноте, голодали, страдали от грубого обращения.

Второй причиной побегов детей и подростков было желание найти родителей. На третьем месте стояла тяга к путешествиям. Выделяются два основных направления движения по СССР – на юг и на запад. В южные районы и в Среднюю Азию ехали, чтобы добыть продовольствие и перезимовать. После мая 1945 г. поток беспризорников устремился на запад «за трофеями» и в поисках потерянных родителей или родственников. С 1946 г. на запад ехали преимущественно подростки из соседних пострадавших от войны областей с тем, чтобы устроиться на работу в Прибалтике в единоличные хозяйства и заработать денег. Часто это делалось с ведома родителей.

Еще одной причиной детской беспризорности и сиротства была волна репрессий, последовавшая сразу после войны. Нарастание волны арестов было прямым следствием действия указов Президиума Верховного Совета СССР 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» (Жумашев, 2007) и «Об усилении охраны личной собственности граждан» (Козина, Елеуханова, 2011), которые предусматривали увеличение низшего предела наказания за воровство до 5–7 лет. При этом указ 1940 г. о мелких кражах, допускавший наказание в один год лишения свободы, перестал применяться. Ужесточение наказания за воровство ударило прежде всего по людям, оказавшимся в тяжелом материальном положении в результате войны и голода.

Наравне со взрослыми в лагерях отбывали срок и дети «врагов народа». Их брали со школьной скамьи, и никому не приходило в голову считать их невиновными за мнимые «преступления отцов». Они отвечали за свое происхождение – полностью отбывали определенный для них срок. Условия содержания детей в лагере были очень тяжелыми: разутые и раздетые, они спали на голых камышовых матах. Их одежду взрослые и охранники постоянно разворовывали. В таких условиях далеко не многим удалось выжить. В 1947 г. численность несовершеннолетних детей, находившихся в Карлаге, составила 209 человек (Шаймуханов, 1997).

К причинам увеличения количества детей-сирот в послевоенный период помимо самой войны относятся массовые репрессии, голод, массовая нужда. В короткий срок решить эту проблему роста числа детей-сирот органам социальной защиты не удавалось. Чаще всего они боролись с последствиями того, что дети становились беспризорниками, не искореняя это явление в зародыше.

22 августа 1950 г. издан Указ правительства СССР «Об освобождении от наказания осужденных женщин при беременности и женщин, имеющих малолетних детей». После этого указа были освобождены 785 беременных женщин, 706 женщин, имеющих малолетних детей вне лагеря. Всего было освобождено 2886 женщин (Шаймуханова, 2012: 132).

На детей, чьи родители были арестованы, распространялся порядок устройства детей-сирот. Это можно расценить как косвенное признание репрессий в качестве одного из факторов сиротства. Однако из-за нехватки мест в домах ребенка при аресте матери детей до 4 лет стали отправлять вместе с ней в места заключения. Исследователь А.И. Кокурин приводит архивные данные по состоянию на 1 августа 1948 г., согласно которым в лагерях и тюрьмах находилось 24 369 женщин с детьми и беременных. Кроме того, в лагерных домах младенца содержалось 16 623 ребенка. В августе 1949 г. срок содержания детей при осужденных матерях

был сокращен, при этом дети старше двух лет должны были передаваться на содержание близких родственников осужденных или в детские учреждения. Но численность детей в местах заключения практически не изменилась. К весне 1953 г. число заключенных женщин, имевших при себе детей до 2 лет, и беременных составляло 41 791 (Колыш, 1992: 144).

Заметную долю среди детей-сирот составляли младенцы, сданные в дома ребенка матерями-одиночками. Одной из тех, кому пришлось встретить все тяготы войны, будучи в детском доме с младенчества не от жестокости военного времени, а от иных тяжелых обстоятельств, что заставили оставить шестимесячного ребенка под забором МВД, стала воспитанница одного из детских домов города Караганды, Косынкова Мария Григорьевна. Как вспоминает сама Мария Григорьевна: «Родилась я в 1927 году, окончила 5 классов, будучи в детдоме. Началась война. В 1941 году направили с детского дома в ремесленное училище № 2, где училась на машиниста электровоза. Жили в бараке, рядом с шахтой. В одной комнате жило по 4–6 девочек. Работали по 10–12 часов, а то не выходили и сутками из шахты» (Свич, 2014: 3–4).

При изучении имеющихся в МВД КазССР материалов установлено, что основными причинами детской беспризорности и безнадзорности в Казахской ССР 1950-х гг. были следующие:

- слабая постановка учебно-воспитательной работы в ряде школ и детских домов Министерства просвещения Казахской ССР, в результате чего число ушедших учащихся из школ в 1954 г. составило 2061 человек, из них с образованием 4 и более классов – 1841 человек и бежавших из детских домов – 159 человек;

- недостаточное внимание к воспитанию со стороны родителей и лиц, их заменяющих, семейные разлады и нежелание жить с неродным отцом или матерью, по этой причине в 1954 г. через ДПР республики прошло 1245 человек.

Девочка Кривцова Нина Яковлевна, 1939 года рождения, доставленная органами транспортной милиции в Алма-Атинский детприемник, тоже была добровольно ушедшей из дома. В беседе с ней выяснилось, что семья состояла из шести человек, родная мать умерла, отец – инвалид 3-й группы, женившийся на другой женщине. По словам девочки, мачеха обижала ее, вследствие чего она ушла из дома и встала на путь беспризорности (АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 80. Л. 41).

По материалам справки о работе комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, при исполкомах депутатов трудящихся работали плохо, выявлением семей, временно попавших в нужду, занимались недостаточно. Примером были братья Геннадий и Николай Пигины, которые длительное время занимались в Акмолинске нищенством, так как семья материально была не обеспечена: мать не работала по состоянию здоровья, дети в школе не учились, материально жили в тяжелых условиях, своевременной помощи от комиссии не получили. В результате чего дети были изолированы в закрытое детское учреждение вследствие совершенных ими правонарушений. По этой же причине в 1954 г. в ДПР республики поступило более 400 детей и подростков.

Чаще всего случаи поступления детей в ДПР были из-за непристойного образа жизни родителей. Так, 15 мая 1954 г. в Алма-Атинский детприемник по решению Райисполкома были доставлены трое детей Сердюков Игорь, Анатолий и Валентин, мать которых нигде не работала, употребляла спиртные напитки, в быту разложившаяся, воспитанием детей не занималась, вследствие чего старший сын сожительствовал с женщиной. Дети после изучения были определены по назначению (несовершеннолетние – в детский дом, старший – в трудовую колонию), а на мать материал был передан в Прокуратуру для привлечения к ответственности.

Еще одним из добровольно покинувших дом детей является Тугаев Мурат Мурзалиевич, 1938 года рождения, который бросил учебу в школе в 1952 г., из-за влечения к улице, воровству. Имел полную семью: отец – бывший работник Министерства сельского хозяйства, семья была материально обеспечена, родители «заласкали» ребенка, не приучили к труду, не прививали любовь к учебе, в результате чего он вышел из-под надзора родителей, попал под влияние улицы и был доставлен по постановлению Прокурора в ДПР для определения его в

детскую колонию. Сделавший выбор в пользу «улицы» Мурат является ярким примером того, что социальное благополучие семьи не было панацеей от совершенных им правонарушений (АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 72. Л. 52–53).

Существовали также государственные программы для преодоления проблем сиротства. Прежде всего – это забота о таких детях. Социальная защита осиротевших детей сводилась тогда главным образом к тому, чтобы устроить их в приемные семьи или детские учреждения, а также помочь им найти родителей, если те были живы, или родственников.

Устройством детей-сирот занимались созданные еще в 1942 г. специальные комиссии райисполкомов. В составе НКВД был организован отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. При отделах народного образования были открыты адресные столы, куда должны были поступать сведения о местонахождении беспризорных детей. В июле 1945 г. было издано распоряжение по наркомату просвещения РСФСР о помощи демобилизованным воинам и репатриантам в возвращении им детей, находившихся в детских домах или на воспитании в приемных семьях (Бастемиев, 2009: 36). Часть военных сирот смогла вернуться в свои семьи.

Послевоенная социальная политика в отношении защиты детей-сирот сохраняла направленность на размещение, распределение беспризорников, а не на искоренение причин их возникновения. В связи с этим каждого ребенка ждал выбор: возврат к родителям-алкоголикам, определение в детский дом, в трудовую воспитательную колонию или в приемную семью.

Казалось бы, что среди мест устройства детей-сирот приоритет должен был отдаваться детским учреждениям, которые работали по единым государственным стандартам и могли наилучшим образом реализовать цели воспитательной работы. Однако во всех нормативных документах, регулировавших устройство детей, оставшихся без попечения родителей, признавались преимущества семейного воспитания. Послевоенное домашнее пространство, будучи первым социальным миром, с которым сталкивался ребенок, по своей природе было компромиссным во всем, начиная с полупатриархального уклада городской жизни и заканчивая семейными межпоколенными взаимоотношениями. В семье дети усваивали первые социальные нормы и модели поведения, участвовали вместе со взрослыми в выборе стратегий выживания. Семейное воспитание, особенно в дошкольные годы жизни ребенка, играло колоссальную роль, т. к. многие дети не посещали детские ясли и сады. Традиция воспитания приемных детей в семье не умерла с внедрением государственной системы помощи сиротам. Немаловажным был и материальный фактор. Устройство ребенка в приемную семью значительно сокращало или полностью освобождало государство от расходов на него.

Предусматривались различные условия передачи детей в приемные семьи: опека или попечительство, патронат или усыновление. Патронат предусматривал заключение договора государственных органов попечительства с семьей о воспитании приемного ребенка и выплату семье пособия. Как ни мало было пособие, в условиях того времени оно служило известным стимулом для многих. Опекунами, как правило, становились родственники ребенка, которыми двигали преимущественно родственные качества, а не материальный расчет. Пособие опекунам обычно не выплачивалось, предполагалось, что средства на содержание ребенка давала пенсия или страховка после смерти родителей, личный заработок или стипендия, если подросток работал или учился. Усыновленных сразу после войны было немного. Это объяснялось тем, что многие дети не верили в гибель своих родителей и продолжали их ждать. Большинство усыновлений в 1945–1946 гг. приходилось на родных отцов, не состоявших с матерью в браке (в 1950–1960-х гг. чаще всего удочеряли/усыновляли отчимы – супруги матерей-одиночек). По действовавшим тогда законам, если брак не оформлялся, отцовство не признавалось. Усыновление же было облегчено. Оно давало максимальную степень близости приемных родителей с детьми, но не предполагало никакой материальной поддержки со стороны государства.

Семейному устройству детей отдавали предпочтение не только комиссии исполкомов, но и детские приемники-распределители. В 1945 г. немногим более 20 % детей из детских приемников-распределителей возвращались в свои семьи, с начала 1950-х гг. – уже более половины. Одновременно сокращалась доля детей, направляемых в детские дома.

Если сравнить число детей-сирот, воспитывавшихся в приемных семьях, с числом воспитанников детских домов, то на протяжении всего послевоенного десятилетия соотношение менялось в пользу первых. В 1945 г. в РСФСР в приемных семьях находилось 335,8 тыс. детей-сирот, а в детских домах – 356,9 тыс., в 1953 г. соотношение составляло 287,6 тыс. и 257,3 тысяч (данные по детским домам за 1952 г.) (Кокурин, 1996: 84). Сокращение отражало общее уменьшение численности сирот. Таким образом, за исключением первых послевоенных лет большинство детей-сирот воспитывалось в семьях.

В результате мероприятий, проводимых с целью ликвидации категории детей, оставшихся «на улице», по мере преодоления последствий войны, разрухи и голода, прекращения массовых репрессий численность детей-сирот сокращалась. Так, к середине 1950-х гг. она приблизилась к довоенному уровню. Несколько видоизменились причины сиротства: к таким причинам, как нужда, голод, болезни, физическая недееспособность родителей в результате участия в военных действиях, прибавилась такая как добровольный уход из семьи детей, которые прошли через приемники-распределители. Дети самостоятельно покидали свои семьи по следующим причинам: недостаток внимания – 43 % всех случаев; материальная необеспеченность – 17,2 %; стремление путешествовать – 14,5 % (Меркурьева, 2008: 132).

В детские дома распределялись дети-сироты еще в годы войны, в связи с чем детские дома были созданы наспех и не подготовлены к приему воспитанников. Наряду с психологическими проблемами адаптации к жизни в детском доме, дети сталкивались с тяжелыми материальными трудностями. «Комсомольская правда» так описывала «благополучный» детдом им. Воровского: «Всю зиму дети оставались разутыми. Дети скучены до невозможности. Антисанитария распускается пышным цветом. На каждую кровать приходится 2–3 человека. Вшивость детей ужасная. Неописуемая грязь, зловоние... Снаружи густой слой всяких нечистот и кухонных отходов. Дети поголовно болеют» (Индустриальная Караганда, 1989: 25). К этому следует добавить непрофессионализм педагогического персонала детских учреждений, случайный подбор «воспитателей», практикующих чередование педагогических мер с карательными. Питомцы таких детдомов справедливо жаловались: «Завели бы лучше куда-нибудь да расстреляли из пушек, чем так с нами морочиться» (Индустриальная Караганда, 1989: 27).

Существовали и образцовые детские дома. Но они, как правило, имели довоенную историю, устоявшийся быт и традиции, в отличие от детских домов, появившихся во время войны. Общее положение детских домов, особенно в 1945–1950 гг., свидетельствует о том, что их первостепенной задачей было выживание. Большинство из них могло рассчитывать только на средства местного бюджета, эпизодическую помощь шефов и на собственное подсобное хозяйство. Тяжелое положение детских домов можно объяснить тремя причинами: экономические последствия войны, нарушения установленных норм и, наконец, злоупотребления. Ярким примером третьей причины является то, что в системе централизованного распределения при дефиците потребительских товаров и продовольствия детские дома снабжались в последнюю очередь.

Снабженческие организации задерживали выдачу фондов, выделенных для детских домов, заменяли одни продукты другими. Вместо мяса и яиц обычно выдавали яичный порошок, вместо овощей и фруктов — пшено. Обувь выделяли малых размеров и очень низкого качества. Во многих домах царила антисанитария, не было умывальников, не хватало посуды, коек, белья, одежды и обуви. Дети недоедали, что было главной причиной воровства на огородах колхозников и частых краж вещей из детдома (Шамрина, 2012: 53).

Один из таких детских домов находился в Осакаровском районе Карагандинской области. В государственном архиве Осакаровского района нами были обнаружены отчетные

документы по проверке условий проживания детей сирот в детских домах. Согласно материалам отчета в декабре 1941 г. была организована комиссия по проверке детских домов поселков № 1, 5, 8, 9 Осакаровского района. В результате проверки была выявлена крайне тяжелая обстановка в специализированных детских домах: «Санитарное состояние во многих неудовлетворительное, недостаток обуви валяной и кожаной, в некоторых детдомах отсутствует мягкий инвентарь (матрасов, одеял, простынь и др.), нет ремонта и обустроенности помещений, где дети должны питаться и спать. В нескольких детдомах обнаружены случаи завшивленности» (ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 31. Л. 170).

В первые послевоенные годы в Карагандинской области насчитывалось четыре детских дома с количеством воспитанников 1328 человек. Больше всего детей было зафиксировано в Компанейском детском доме. Это связано с тем, что данный детдом был организован одним из первых и уже имел контингент воспитанников, к которому прибавились дети, оставшиеся без родителей из-за войны. Осакаровский и Литвинский детские дома располагались в Осакаровском районе и вместе составляли контингент воспитанников 463 человека, что даже в сумме было меньше, чем воспитывалось в Компанейском детдоме. Хотя они тоже были образованы еще в довоенный период. Литвинский детский дом был организован для детей-сирот, оставшихся без родителей, насильно высланных в Казахстан в 1930-е гг. Первым директором детского дома был Алексей Александрович Астахов, который проработал здесь с 1932 по 1937 г. В 1937–1938 гг. здесь получили кров дети новой волны репрессированных, а позже дети, чьих родителей забрала война. С 1937 г. директорами детского дома работали Гайдуков Алексей, Великий Иван Арефьевич (приехал из Украины в 1941 г. с эвакуированными детьми и проработал до 1945 г.), Чухров Алексей Алексеевич, Непряхин Николай Данилович. Непряхин Николай Данилович максимально стремился сделать жизнь детского дома и его детей счастливой и сытой. Николай Данилович добился в г. Алма-Ате, чтобы детскому дому выделили землю 247 га и инвентарь для подсобного хозяйства (Индустриальная Караганда, 1989: 21). На этих землях стали выращивать зерновые культуры, картофель и различные другие овощи, что было большой прибавкой к столу воспитанников.

Воспитанники размещались в землянках по 35–40 человек. Полы были земляные, кроваток не было, и ребятишки спали на нарах. Школы ещё не было, учительница приходила в барак и учила детей грамоте. С ними всегда рядом были воспитатель и няня, и работали они, конечно, не по часам, а столько, сколько это было необходимо. В зимний период, во время буранов, воспитатели и няня оставались ночевать вместе с детьми (Индустриальная Караганда, 1989: 22).

В послевоенные годы в Литвинском детском доме, совместно с правлением промартели «Призыв Стаханова», было организовано ускоренное обучение воспитанников детского дома по специальностям сапожника, ткача, трикотажника, швейника (Кокурин, 1996: 178). В 1963 г. началось строительство нового жилого корпуса – трёхэтажного здания на 300 мест, куда вошли восьмилетняя школа, столовая, котельная и гаражи. В 1964 г. дети переселились в новое здание, детский дом был переименован в Литвинскую школу-интернат для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Индустриальная Караганда, 1989: 23). На сегодняшний день это Литвинская школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Директором является отличник народного образования КазССР, почётный работник образования РК, учитель истории высшей квалификационной категории Ермолаев Евгений Михайлович.

Воспитанники детских домов требовали к себе особого подхода. В первые послевоенные годы среди них преобладали дети, успевшие много повидать и пережить на своем коротком веку: бывшие сыновья полков, прошедшие войну и имевшие правительственные награды, мелкие воришки, попрошайки. Многие из них имели за плечами опыт беспризорной жизни, голодали, болели. Большинство отставало в учебе от своих сверстников из массовых школ. Никакой системы реабилитационного воспитания детей, пострадавших от войны, не существовало. Государственная помощь этим детям сводилась к элементарному выживанию. Впоследствии, когда поколение детей войны в детдомах сменилось социальными сиротами,

общее направление системы воспитания не изменилось. Лишь в конце 1980-х гг., когда проблемы помощи детям-сиротам стали широко обсуждаться в средствах массовой информации, стала осознаваться необходимость создания специальной службы психологической адаптации воспитанников интернатских учреждений.

С 1952 г. детские дома получили право устраивать своих выпускников на работу. Большинство подростков стремилось попасть в училища, хотя выбор специальности часто происходил помимо их воли. Работать шли те, кто по состоянию здоровья не подходил для училищ.

Психологами отмечено, что «дети войны» раньше взрослеют, что они по своему мироощущению всегда старше своих сверстников, выросших в мирные годы. Детскую психику травмируют потери близких, пережитый страх перед смертью, вынужденное сиротство. В СССР же выросло целое поколение «детей войны» – выросло в неполных семьях или вообще вне семьи, выросло без дома в полном смысле этого слова. Семью и дом таким детям заменяли школы, детские дома или просто городские дворы. Рост числа сирот во время войны привел к значительному увеличению количества специальных учреждений для них по всей стране. Такие детские дома создавались в спешке, им не хватало специальных помещений, инвентаря, педагогов-профессионалов.

Рост численности беспризорных детей и нехватка мест для их «изъятия» с улиц потребовали расширения сети детских учреждений. 15 июня 1943 г. выходит постановление СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» (Зубкова, 1995). Наряду с уже действующими трудовыми колониями стали организовываться новые трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей, уличенных в мелком хулиганстве или незначительном преступлении. Продолжительность содержания в трудовых воспитательных колониях устанавливалась до 16-летнего возраста. Срок содержания определялся временем до получения ими определенной квалификации, дающей возможность самостоятельного существования. Руководство деятельностью трудовых воспитательных колоний НКВД возлагалось на Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Численность детей в приемниках-распределителях ГУЛАГа НКВД СССР с 1945 г. уменьшалась. Например, если в них в 1945 г. находилось всего 296 432 ребенка, то уже в 1952 г. их количество составило 145 500 (Бастемиев, 2009: 155). Из приемников-распределителей дети направлялись в самые разные места: к родителям, в детские дома, в трудовые воспитательные колонии и др.

Таблица 1 – Количество приемников-распределителей на территории СССР к 1952 г. (по регионам) (Панасенко, 1987: 136).

Регион СССР	РСФСР	Украина	Казахстан	Узбекистан	Киргизия
Количество приемников-распределителей	155	35	14	9	4
Количество мест	10340	2000	830	550	275

В послевоенный период приемники-распределители создавались быстрыми темпами во многих регионах СССР. Это было связано с форсированным решением проблемы роста числа безнадзорных детей, который был следствием войны, в первую очередь. Так, согласно Таблице 1, к 1952 г. на территории Казахстана функционировало 14 приемников-распределителей, которые могли обеспечить распределение 830 беспризорников, что является третьим показателем в разрезе Союзных республик. Больше всего было таких приемников на территории РСФСР и Украины (155 и 35 соответственно). Это говорит о том, что вопрос безнадзорности детей стоял остро во всем СССР.

По материалам справки о состоянии детской беспризорности и безнадзорности в КазССР за 1954 г. видно, что ее уровень остается на высоком уровне. В сравнении с 1953 г. поступление детей и подростков в ДПР сократилась на 1,2 %, а за период 1954 г. возросла:

Таблица 2 – Количество детей, доставленных в ДПР по КазССР, 1954 г. (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1426. Л. 53).

Кем доставлены	Органами железнодорожной охраны	Милицией	Общественностью	Из числа поступивших прибыло из других областей и городов КазССР	Из областей, где функционируют ДПР	Из других союзных республик
Число детей	1912	790	746	823	1628	997

В общей сложности за 1954 г. поступило в ДПР МВД КазССР 3448 детей и подростков в возрасте от 3 до 17 лет. По данным Таблицы 2 видно, что больше всего детей поступало благодаря работе железнодорожной охраны, что говорит о том, что чаще всего дети старались покинуть определенную область, либо занимались попрошайничеством и жили в районах железнодорожных вокзалов, где их и ловила охрана. Также по данным этой таблицы видно, что на втором месте, судя по динамике роста числа зафиксированных беспризорников, они передвигались из областей, имеющих ДПР, т. е. была распространена практика побегов из них.

Еще одной мерой по борьбе с детской беспризорностью было их трудоустройство на промышленные предприятия. В 1954 г. по указанию ОДК МВД КазССР сотрудниками ДПР на местах производились проверки состояния быта воспитанников, трудоустроенных в промышленность и сельское хозяйство. Ее результаты показали, что в промышленных предприятиях и в крупных колхозах и совхозах под влиянием рабочих коллективов подростки быстрее приобщались к общественно-полезному труду и лучше закреплялись в местах устройства. Однако в некоторых сельских хозяйствах республики, куда были определены на работы подростки, последние не закрепились, ввиду отсутствия там нормальных жилищно-бытовых условий. Так, например, подростки Цивжиц и Жалобнев в Калининском зерносовхозе, Демидов и Дубоусов в Шаглинском зерносовхозе Северо-Казахстанской области, воспитанницы Мадиева З., Пархоменко Р., определенные на работу на фабрику «Большевик» Кустанайской области и другие, не закрепились и ушли с мест работы, так как им не представили общежития, не организовали общественное питание и отсутствовала забота об их идейно-политическом развитии и воспитании.

Кроме приемников-распределителей, в СССР были созданы трудовые колонии для несовершеннолетних. Деятельность трудовых колоний для несовершеннолетних также регламентировалась Положением «О трудовых колониях для несовершеннолетних», разработанным и принятым НКВД СССР 29 июля 1935 г. Оно действовало в течение двух лет. Приказом № 329 от 20 августа 1937 г. было утверждено новое Положение «О трудовых колониях НКВД» (Посмаков, 2001). В статье 1 Положения 1937 г. говорится, что трудовая колония НКВД ставит своей задачей воспитание в условиях трудового режима несовершеннолетних правонарушителей, беспризорных и безнадзорных детей для привития им трудовых навыков, обучения профессии и возвращение обществу честных и преданных социалистической родине граждан.

В Казахстане трудовые колонии были созданы в г. Караганде, а также в июне 1935 г. была создана Талгарская трудовая колония. Однако в производственно-хозяйственном отношении эти колонии были нерентабельными. Например, трудовые колонии Казахстана в 1936–1937 гг. при обеспеченности рабочей силой на 92,1 % и оборотными средствами на 1

января 1937 г. на 190,7 % выполнили производственную программу только на 58,0 %. А затраты на содержание воспитанников составили 103,5 % (Свич, 2014: 85). Поэтому эти убыточные, нерентабельные трудовые колонии были ликвидированы. Так, в начале сентября 1938 г. Карагандинская трудовая колония была ликвидирована, а воспитанники ее были направлены по нарядам ОТК НКВД СССР в другие регионы, где имелись трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей. В трудовые колонии для несовершеннолетних, согласно статье 3 указанного Положения, подлежали направлению:

- 1) осужденные правонарушители из мест заключения в возрасте от 12 до 16 лет;
- 2) социально «...запущенные беспризорные и безнадзорные дети» из приемников-распределителей в возрасте от 14 до 16 лет.

Согласно статье 6 Положения, воспитанники обязаны были возмещать расходы на питание и вещевое довольствие. Возмещение производилось путем удержания из заработной платы воспитанников. Размер удержания определялся по каждой колонии в зависимости от заработной платы воспитанников, с тем чтобы они получали на руки не менее двадцати процентов заработка. В каждой колонии правила внутреннего распорядка устанавливал директор колонии. Этим Положением было установлено 4 часа работы в день для воспитанников от 12 до 16 лет и 6 часов работы для возраста от 16 до 18 лет. Оплата труда для учеников – повременная, а для остальных – прогрессивно-сдельная (Посмаков, 2001).

Структура трудовых колоний включала следующие части: учебно-воспитательную, производственно-плановую, административно-хозяйственную, финансовую. В трудовых колониях воспитанники должны были распределяться по группам в среднем по 100 человек. На каждую группу для постоянной работы полагались один старший воспитатель и его помощник. Кроме того, в трудовых колониях под руководством учебно-воспитательной части создавались из числа воспитанников следующие комиссии: конфликтная, производственная, культурно-массовая, пищевая, хозяйственная, санитарная, школьная, физкультурная. Следует отметить, что согласно статье 37 Положения, были предусмотрены следующие меры взыскания: замечание, выговор, временный перевод на подсобные работы, назначение на внеочередной наряд по самообслуживанию, денежное взыскание за причиненный материальный ущерб, ограничение в выдаче денег на руки, помещение в изолятор, исключение из трудовой колонии с направлением в закрытую колонию или место заключения. Деятельность трудовых колоний для осужденных несовершеннолетних регулировалась отдельными Положениями НКВД СССР, притом до 1956 г. такие Положения принимались 5 раз.

Заключение. Региональная специфика определялась прежде всего тем, что Карагандинский регион был одним из центров лагерной и ссыльно-поселенческой системы Казахстана. Карлаг, спецпереселенцы и депортированные народы формировали особый контингент безнадзорных детей: речь идёт не только о «сиротах войны», но и о детях репрессированных, а также о детях, рождённых и выраставших за лагерной оградой (в 1947 г. в Карлаге находилось 209 несовершеннолетних). Литвинский детский дом, созданный для детей высланных в 1930-е гг., а затем принимавший детей репрессированных в 1937–1938 гг. и сирот войны, наглядно показывает, что в регионе наслаивались разные «волны» сиротства, связанные с коллективизацией, репрессиями и войной. Индустриальный и тыловой характер области можно определить как ещё одну особенность региона. Быстрый рост населения за счёт эвакуации и притока рабочей силы, скученность, барачный быт и тяжёлый труд родителей на шахтах и предприятиях усиливали безнадзорность. Воспитанники детских домов и ремесленных училищ (пример М.Г. Косынковой) рано включались в шахтный и промышленный труд. Третья особенность – типичные для региона трудности детских учреждений: землянки, нары вместо кроватей, нехватка инвентаря, обуви, санитарные проблемы и опора на подсобное хозяйство (согласно материалам функционирования детских домов региона). При этом масштаб сети учреждений оставался ограниченным: в первые послевоенные годы в области действовало четыре детских дома на 1328 воспитанников, а

система приёмников-распределителей и колоний в Казахстане в целом (14 ДПР на 830 мест) не соответствовала масштабу проблемы.

Сопоставление периодов в рассматриваемых хронологических рамках показывает не столько исчезновение проблемы, сколько изменение её природы:

Позднесталинский период (1945–1953 гг.) характеризовался массовой, «вынужденной» безнадзорностью, прямо обусловленной внешними катастрофами: войной (потеря родителей, эвакуация), голодом 1946–1947 гг., разрухой, ужесточением уголовного законодательства 1947 г. и последовавшими арестами, а также ростом внебрачной рождаемости. Пик пришёлся на 1947–1948 гг. (около полумиллиона задержанных, до трёх миллионов детей, лишившихся попечения). Основными причинами побегов были неудовлетворительные условия содержания, поиск родителей и тяга к перемене мест.

Хрущёвский период (середина 1950-х гг.) отмечен количественным снижением: численность сирот приблизилась к довоенному уровню, число детей в ДПР ГУЛАГа сократилось (с 296 тыс. в 1945 г. до 145 тыс. в 1952 г.), прекратились массовые репрессии, начался возврат амнистированных и реабилитированных. Однако в Казахстане уровень безнадзорности в 1954 г. оставался высоким: через ДПР республики прошло 3448 детей и подростков, снижение по сравнению с 1953 г. составило лишь 1,2 %.

Качественный сдвиг заключался в том, что на первый план вышли социальные причины: недостатки воспитательной работы школ и детских домов, семейные конфликты, неблагополучие и аморальный образ жизни родителей, недостаток внимания (43 % случаев по данным Меркурьевой), в том числе и в материально обеспеченных семьях (пример Т. Мурата). Безнадзорность из последствия катастрофы превращалась в хроническое явление советского общества. Сохранилась и мобильность беспризорников: основной поток задерживался железнодорожной охраной (1912 из 3448 чел.), значительная часть детей перемещалась между областями и республиками. Таким образом, между периодами наблюдается преемственность институтов и методов при смене структуры причин: от внешних, чрезвычайных – к внутренним, социально-воспитательным и семейным.

С целью решения проблемы детской безнадзорности государству удалось создать разветвлённую сеть учреждений (комиссии по устройству детей, адресные столы, ДПР, детские дома, колонии), добиться общего сокращения числа сирот и беспризорников, обеспечить большинству воспитанников образовательный минимум (7 классов), рабочую специальность и распределение с общежитием. Важным и относительно эффективным направлением стало семейное устройство: к 1950-м гг. из ДПР в семьи возвращалось уже более половины детей (против 20 % в 1945 г.), а в послевоенное десятилетие большинство сирот воспитывалось в семьях, что к тому же снижало расходы государства. Трудоустройство подростков на промышленные предприятия давало результат там, где были созданы бытовые условия и действовал рабочий коллектив.

Политика носила преимущественно ведомственно-карательный, ликвидационный характер: она была направлена на изъятие детей с улицы и их распределение, а не на устранение причин безнадзорности. Это подтверждается слабой работой комиссий по выявлению нуждающихся семей (пример братьев Пигиных), отсутствием системы реабилитации и психологической помощи детям войны (осознание такой необходимости появилось лишь в конце 1980-х гг.), недоукомплектованностью и непрофессионализмом педагогических кадров, дефицитом материального снабжения детских домов, где дети «выживали». Побег из учреждений (в 1945 г. более 12 % поступавших в ДПР – беглецы из детских домов; в 1954 г. – постоянные перемещения между областями с ДПР) свидетельствуют о том, что система нередко сама воспроизводила безнадзорность.

Таким образом, меры государства были эффективны в «купировании» острейших последствий войны и в количественном снижении числа беспризорных, но не решали проблему системно. Спад безнадзорности к середине 1950-х гг. определялся в первую очередь преодолением последствий войны, голода и прекращением массовых репрессий, а не качеством самих мер. Сохранение высокого уровня безнадзорности в Казахстане и

Карагандинской области в хрущёвский период показывает, что советская система социальной защиты была ориентирована на размещение и контроль, а не на профилактику, в результате чего причины явления фактически сохранялись.

Sources

- SAKR – State Archive of Karaganda Region.
 F. 469 – Karaganda Regional Department of Public Education.
 F. 1p. – Karaganda Regional Committee of the Communist Party of Kazakhstan.
 F. 18 – Karaganda Executive Committee of the Soviets of Peasant, Red Army, and Kazakh Working Deputies.
 SACT – State Archive of the City of Temirtau.
 F. 6 – Executive Committee of the Temirtau City Council of Working People's Deputies, Karaganda Region, Kazakh SSR.
 AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.
 F. 708 – Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan.
 CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.
 F. 90 – Ministry of Social Security of the Kazakh SSR.

Источники

- ГАКО – Государственный архив Карагандинской области.
 Ф. 469 – Карагандинский областной отдел народного образования.
 Ф. 1п. – Карагандинский областной комитет Коммунистической партии Казахстана.
 Ф. 18 – Карагандинский исполнительный комитет Советов крестьянских, красноармейских, трудовых казахских депутатов.
 ГАГТ – Государственный архив города Темиртау.
 Ф. 6 – Исполком Темиртауского городского Совета депутатов трудящихся Карагандинской области КазССР.
 АП РК – Президентский архив Республики Казахстан.
 Ф. 708 – ЦК Компартии Казахстана.
 ЦГА РК – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
 Ф. 90 – Министерство социального обеспечения КазССР.

References

- Bastemiev, 2009 — *Bastemiev S.K. Ispravitel'nye uchrezhdeniya Kazakhstana (istoriko-pravovoi aspekt) [Correctional Institutions of Kazakhstan (Historical and Legal Aspects)]*. Pavlodar: Kereku, 2009. 258 p. (In Russ.)
 Entsiklopediya, 2011 — *Entsiklopediya sela Esil' (Litvinskoe). Sil'ny my tem, chto pamyat' est'... [Encyclopedia of the Village of Esil (Litvinskoe): Our Strength Is in Our Memory]*. p. Esil', 2011. 40 p. (In Russ.)
 Industrial'naya Karaganda, 1989 — *Industrial'naya Karaganda (Industrial Karaganda)*. 8 iyulya 1989 g. (In Russ.)
 Kaipbaeva, 2025 — *Kaipbaeva A.T., Kozybaeva M.M., Mukhatova O.Kh., Bajzhumanova Z.B., Bekenova A.A. Iz istorii bor'by s detskoj besprizornost'yu v Kazakhstane i sopredel'nykh stranakh v 1920–1930-e gg.: sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov [From the History of the Fight against Child Homelessness in Kazakhstan and Neighboring Countries in the 1920s–1930s: A Collection of Archival Documents and Materials]*. Almaty: IP «Balausa», 2025. 656 p. (In Russ.)
 Karaganda, 1986 — *Karaganda. Karagandinskaya oblast': Entsiklopediya [Karaganda. Karaganda Region: An Encyclopedia]*. Gl. red. R. N. Nurgaliev. Alma-Ata: Gl. red. Kazakhskoi sovetskoj entsiklopedii. 1986. 608 p. (In Russ.)
 Kokurin, 1996 — *Kokurin A.I., Pozharov A.I. «Novyi kurs» L.P. Berii 1953 g. ("The New Course" of L. P. Beria in 1953). «Istoricheskii arkhiv» [Historical Archive]*. No. 4. Moskva, 1996. P. 143–144. (In Russ.)
 Kolysh, 1992 — *Kolysh V. Mesto rozhdeniya – Karlag [Place of Birth: Karlag]*. *Industrial'naya Karaganda [Industrial Karaganda]*. 1992. 2 okt. S. 7. (In Russ.)
 Kozina, 2011 — *Kozina V.V., Eleukhanova S.V. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana v pervye poslevoennye gody [Everyday Life of the Population of Central Kazakhstan in the First Postwar Years]*. *Vestnik KarGU (Bulletin of Karaganda State University)*. 2011. No. 2. P. 4–10. (In Russ.)
 Merkur'eva, 2008 — *Merkur'eva V.S. Sotsial'naya zashchita detei-sirot v Stalingradskoi oblasti v ser. 1940-kh – ser. 1950-kh gg. [Social Protection of Orphans in the Stalingrad Region from the Mid-1940s to the Mid-1950s]*. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University]*. 2008. No. 5. P. 137–140. (In Russ.)
 Narodnoe khozyaistvo, 1968 — *Narodnoe khozyaistvo Kazakhstana. Stat. sbornik [National Economy of Kazakhstan: A Statistical Collection]*. Alma-Ata, 1968. (In Russ.)
 Panasenko, 1987 — *Panasenko V.Z. Iz istorii stanovleniya i razvitiya ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii MVD Kazakhskoi SSR (1920–1985 gg.) [On the History of the Establishment and Development of Correctional Labor*

- Institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Kazakh SSR (1920–1985)]. Alma-Ata: Muzei boevoi i trudovoi slavy OVD Kazakhskoi SSR, 1987. 107 p. (In Russ.)
- Posmakov, 2001 — *Posmakov P.* Tyuremnyi sindrom [Prison Syndrome]. Almaty: TOO Baspa, 2001. 32 p. (In Russ.)
- Shaimukhanov, 1997 — *Shaimukhanov D.A., Shaimukhanova S.D.* Karlag [Karlag]. Karaganda, 1997. 175 p. (In Russ.)
- Shaimukhanova, 2012 — *Shaimukhanova S.D., Makalakov T.Zh.* Vklad spetspereselentsev i deportirovannykh narodov v razvitie ekonomiki Tsentral'nogo Kazakhstana [The Contribution of Special Settlers and Deported Peoples to the Development of the Economy of Central Kazakhstan]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. Karaganda, 2012. No. 3. (In Russ.)
- Shamrina, 2012 — *Shamrina E.A.* Evolyutsiya gosudarstvennoi sistemy sotsial'noi podderzhki sem'i vo vtoroi polovine 40-kh – 90-e gg. XX v. (na materialakh Voronezhskoi oblasti) [The Evolution of the State System of Social Support for Families from the Late 1940s to the 1990s (Based on Materials from the Voronezh Region)]: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Voronezh, 2012. 24 p. (In Russ.)
- Slavko, 2011 — *Slavko A.A.* Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii kontsa 1920-kh – nachala 1950-kh godov: sotsial'nyi portret, prichiny, formy bor'by [Child Homelessness and Neglect in Russia from the Late 1920s to the Early 1950s: Social Profile, Causes, and Forms of Combating It]: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. Samara, 2011. 78 p. (In Russ.)
- Spravochnik, 1947 — *Spravochnik po voprosam okhrany detstva* [Handbook on Child Welfare]. Moskva, 1947. (In Russ.)
- Svich, 2014 — *Svich S.* Deti voyny [Children of War]. *Industrial'naya Karaganda* [Industrial Karaganda]. 2014. No. 16. (In Russ.)
- Ukaz, 1966 — Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 8 iyulya 1944 goda «Ob uvelichenii gosudarstvennoi pomoshchi beremennym zhenshinam, mnogodetnym i odinokim materyam» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 8, 1944, "On Increasing State Assistance to Pregnant Women, Mothers of Large Families, and Single Mothers"]. *Sbornik dokumentov i materialov po istorii SSSR sovetskogo perioda (1917–1958)*. M., 1966. (In Russ.)
- Zezina, 1999 — *Zezina M.R.* Sotsial'naya zashchita detei-sirot v poslevoennye gody (1945–1955) [Social Protection of Orphans in the Postwar Years (1945–1955)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1999. No. 1. P. 127–136. (In Russ.)
- Zhumashev, 2007 — *Zhumashev R.M., Mikheeva L.V.* Spetspereselentsy v Karagandinskoi oblasti [Special Settlers in the Karaganda Region]. Karaganda, 2007. (In Russ.)
- Zubkova, 1999 — *Zubkova E.Yu.* Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: Politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life, 1945–1953]. Moskva, 1999. 229 p. (In Russ.)
- Zubkova, 1995 — *Zubkova E.Yu.* Obshchestvo, vyshedshee iz voyny: russkie i nemtsy v 1945 godu [A Society Emerging from War: Russians and Germans in 1945]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. 1995. No. 3. P. 90–100. (In Russ.)

Литература

- Бастемиев, 2009 — *Бастемиев С.К.* Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект). Павлодар: Кереку, 2009. 258 с.
- Жумашев, 2007 — *Жумашев Р.М., Михеева Л.В.* Спецпереселенцы в Карагандинской области. Караганда, 2007.
- Зезина, 1999 — *Зезина М.Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.
- Зубкова, 1999 — *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953. Москва, 1999. 229 с.
- Зубкова, 1995 — *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90–100.
- Индустриальная Караганда, 1989 — *Индустриальная Караганда*. 8 июля 1989 г.
- Каипбаева, 2025 — *Каипбаева А.Т., Козыбаева М.М., Мухатова О.Х., Байжуманова З.Б., Бекенова А.А.* Из истории борьбы с детской беспризорностью в Казахстане и сопредельных странах в 1920–1930-е гг.: сборник архивных документов и материалов. Алматы: ИП «Балауса», 2025. 656 с.
- Караганда, 1986 — *Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия* / Гл. ред. Р. Н. Нургалиев. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии. 1986. 608 с.
- Козина, 2011 — *Козина В.В., Елеуханова С.В.* Повседневная жизнь населения Центрального Казахстана в первые послевоенные годы // Вестник КарГУ. 2011. № 2. С. 4–10.
- Кокурин, 1996 — *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П. Берии 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 143–144.
- Колыш, 1992 — *Колыш В.* Место рождения – Карлаг // *Индустриальная Караганда*. 1992. 2 окт.
- Меркурьева, 2008 — *Меркурьева В.С.* Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в сер. 1940-х – сер. 1950-х гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 137–140.

- Народное хозяйство, 1968 — Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата, 1968.
- Панасенко, 1987 — *Панасенко В.З.* Из истории становления и развития исправительно-трудовых учреждений МВД Казахской ССР (1920–1985 гг.). Алма-Ата: Музей боевой и трудовой славы ОВД Казахской ССР, 1987. 107 с.
- Посмаков, 2001 — *Посмаков П.* Тюремный синдром. Алматы: ТОО Баспа, 2001. 32 с.
- Свич, 2014 — *Свич С.* Дети войны // Индустриальная Караганда. 2014. № 16.
- Славко, 2011 — *Славко А.А.* Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Самара, 2011. 78 с.
- Справочник, 1947 — Справочник по вопросам охраны детства. Москва, 1947.
- Указ, 1966 — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958). Москва, 1966.
- Шаймуханов, 1997 — *Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д.* Карлаг. Караганда, 1997. 175 с.
- Шаймуханова, 2012 — *Шаймуханова С.Д., Макалаков Т.Ж.* Вклад спецпереселенцев и депортированных народов в развитие экономики Центрального Казахстана // Современные проблемы науки и образования. Караганда, 2012. № 3.
- Шамрина, 2012 — *Шамрина Е.А.* Эволюция государственной системы социальной поддержки семьи во второй половине 40-х – 90-е гг. XX в. (на материалах Воронежской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2012. 24 с.
- Энциклопедия, 2011 — Энциклопедия села Есиль (Литвинское). Сильны мы тем, что память есть... - Есиль, 2011. 40 с.